

другой стороны – демонстрируют попытки в интерпретации лексики, отклоняющейся от этих общих признаков. Отмечаются случаи, выявляющие способность группового сознания оценивать мотивацию развивающихся языковых процессов, например, объяснять причины, порождающие избегание именного класса.

К числу особых социалинговокультурных факторов, способствующих развитию метаязыкового этнического сознания, могут быть отнесены характерный для многих африканских сообществ билингвизм (полилингвизм) и присущий им институт «гриотов» («каста» ремесленников слова).

А.И. Кузнецова

(Московский государственный университет)

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА В «ПОЛЕВЫХ» УСЛОВИЯХ: НА ГРАНИЦЕ МЕЖДУ ЭТНОГРАФИЕЙ И ЛИНГВИСТИКОЙ

Работу языковеда, собирающего материалы в условиях, естественных для носителя языка (будь то сельская местность или город), обычно относят к области, называемой полевой лингвистикой. Иначе говоря, имеется в виду сбор материала путем непосредственного опроса носителей языка, а не получение сведений из вторых рук, т.е. по опубликованным источникам. Во время массового сбора информации в «полевых» условиях легче провести сравнение ответов сразу многих информантов, проще обнаружить огромный «информационный клад» (Э. Шмидт), который «закодирован» в языке на всех его уровнях, изучаемых различными языковыми дисциплинами, включая этно-, социо- и психолингвистику. Впрочем, необходимость и плодотворность работы в полевых условиях равноценны далеко не всегда. Это зависит не только от информанта, но и от лингвиста-полевика, который вынужден варьировать методику сбора материала в зависимости от того, собирается материал по родному или по неродному для исследователя языку, а также от самой области исследования.

В языкознании есть области, связанные с внеязыковой действительностью, которые изучают прежде всего этнографы (к сожалению, часто ошибочно записывающие незнакомую им речь аборигенов), а среди лингвистов лексикологи и ономастиологи. Языковеды, занимающиеся этнолингвистическими исследованиями, в том числе ономастикой в широком понимании термина, берут на себя двойную работу - и лингвиста, и этнографа. О специфике сбора материала языковедом в таком случае и пойдет речь в данном докладе.

Этнограф имеет дело с бытом, обрядами, которые он видит и описывает, с артефактами, лингвист же, в первую очередь, — с языком. Те области, которые исследует этнограф, лингвист-полевик обычно замечает не сразу. На них он обращает внимание, наталкиваясь на незнакомое (как выясняется часто, устаревшее) слово, встретившееся ему в какой-нибудь идиоме, на неоднозначную внутреннюю форму слова или непрозрачную этимологию. Незнакомые слова, записанные при первичном полевом сборе материала, порождают догадки, ведут к попыткам этимологизировать эти слова. Откуда, например, произошло название села Фарково или имя Кандарашка, встречающееся в селькупских текстах (от тюрк. *кантыр* 'уродец с коротким носом'? от русск. *кондрашка*? или...)? Не без труда, но можно выяснить «скрытое» домашнее имя человека или узнать, ориентируясь на порядок слов, почему у коми отчество одним женщинам дано по отцу (*Терень Люся* 'Людмила Терентьевна', *Иван Одя* 'Евдокия Ивановна'), а другим — по матери (*Анна Шима*, т.е. Серафима дочь Анны, вместо *Петя Шима* 'Серафима Петровна')? Разгадки ономастикона порою оказываются возможными только при помощи носителей языка, приоткрывающих семейные (часто чужие) тайны: сокрытие имени отца связано с тем, что «отчества» по матери давались лишь незаконнорожденному ребенку.

Постепенно от языка лингвист переходит к тому, что скрывается за словом в сознании носителя языка. Казалось бы, что особенного кроется за советом матери-селькупки ребенку не ловить бабочку, или что стоит за окриком старших не наступать на тень человека, не играть с нею? Заинтересовавшись причиной таких запретов, можно узнать много интересного о традиционном миропонимании селькупов: например, тень человека — это одна из нескольких его душ (у разных народов число их различно для женщин и мужчин), до которой лучше не дотрагиваться, иначе можно заболеть, а если наступить на нее, можно и умереть, особенно, если это тень старого человека. За обычными для ребенка вопросами «Почему у глухаря красные ободки вокруг глаз? Почему у бурундука полосы на спине? Почему отпустила мать щуку в реку?» и т.п. стоят ответы, раскрывающие полузабытое миропонимание селькупов, иногда сходное, порою отличное от воззрений многих других народов, объясняющие происхождение различных явлений и существ в древних мифах. «Напасть на след», помогающий раскрыть тайны древних воззрений того или иного этноса, можно случайно, а можно сознательно, ориентируясь на поиски «древностей», на поиски расшифровки непонятных слов и выражений, на прочтение первичного смысла идиом.

Нередко лингвист-полевик прокладывает пути не только для этимологических и этнографических, но и для семиотических исследований. В свое

время Ч.С. Пирс писал о необходимости найти ключ, с помощью которого реципиент может понять полученное сообщение, учитывая, что опознавательные сигналы (знаки) могут быть дейктические, символические, иконические. Так, определенная манера поведения персонажа в фольклорном произведении является символом какого-то обычая, действия: поведение мужа в ненецком эпосе, когда муж молча тербит косички жены, означает его намерение обсудить с ней нечто важное. Обнаружение героем следов двоякого типа (зверя и человека) символизирует в фольклоре селькупов приход злого духа, как и сильный ветер на крыше дома, и т.д. Иными словами, необходимо учитывать почти неизбежную лакунарность по отношению друг к другу языка, изучаемого лингвистом, и языка, на котором должно быть дано описание анализируемой лексики, особенно той ее части, которая отражает духовную культуру народа, его верования. Все это можно выяснить, «разговорив» информанта.

Современная полевая лингвистика как бы по спирали возвращает исследователя к старым теориям палеолингвистики О. Шрадера, к теории Wörter und Sachen Г. Шухардта с его методом параллельного изучения истории слов и вещей, к ситуативной теории Д.Х. Хаймса, ко всем достижениям этнолингвистики, методы которых следует сегодня учитывать всем лингвистам-полевым, одновременно предлагая новые методики (напр., использование аудио-видео записи или цифровой записи текстов), расширяя с их помощью круг лингвистических дисциплин, к которым применимы эти методы.

М.Д. Люблинская
(Институт лингвистических
исследований РАН,
С.-Петербург)

СОЗДАНИЕ АУДИОФОНДОВ ИСЧЕЗАЮЩИХ ЯЗЫКОВ (на примере ненецкого и нганасанского)

0. На территории России к настоящему времени зафиксировано 63 миноритарных языка, все эти языки являются вымирающими. Число носителей самого большого из них, ненецкого, немногим больше 30 тысяч человек. Почти все такие языки – младописьменные. Очень важно учитывать, что несмотря на существующие алфавиты, правила орфографии, современные младописьменные языки малых народов фактически остаются бесписьменными, отсутствует востребованность письменного текста на практике. Исключение – национальная страничка окружных газет. На тер-